
ТЕЛО И ТЕЛЕСНОСТЬ

Ю.Е. Балагушкин

ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СЕКСУАЛЬНОСТИ (ПО ПОВОДУ СТАТЬИ Э. ТИРЬЯКЯНА О СЕКСУАЛЬНОЙ АНОМИИ)

Аннотация. Американский социолог и философ культуры Эдвард Тирьякян в своей статье «Сексуальная аномия, социальная структура, социетальное изменение» анализирует предложенную Э. Дюркгеймом концепцию сексуальных отношений как фундамента социальной структуры и сосредотачивает внимание на сексуальной аномии — одной из острейших проблем современного человека, считая, что эти воззрения точно отражают современную ситуацию в обществе и культуре. Тирьякян рассматривает различные аспекты социального регулирования сексуальности, анализирует сущность и последствия сексуальной революции в западном обществе. Философско-антропологическая проблематика сексуальности рассматривается во взаимосвязи с динамикой социокультурных отношений и процессов, отталкиваясь от концепций сексуальной аномии и анализа последствий сексуальной революции и с учетом гендерного подхода. Сексуальность как часть человеческой природы трактуется в качестве сложного, системно организованного феномена, который обладает разнообразным функциональным назначением. Культурно-исторический феномен сексуальности подвергается социализации и культурализации, в то же время сексуальность, как естественная составляющая человеческой природы, оказывает существенное воздействие на формирование и динамику культуры. Особое значение в современный исторический период имеет проблема сексуальной аномии, приобретающая новое ценностное и социокультурное звучание в связи с инновационными процессами сексуальной революции, вызвавшей кардинальные и многоплановые изменения сексуальной составляющей человеческой природы и базовых аспектов человеческой идентичности.

Ключевые слова: Эдвард Тирьякян, сексуальность, сексуальная аномия, сексуальная революция, отношения между полами, общество модерна, человеческая природа, человеческая идентичность, культура, культурная динамика.

Социокультурная обусловленность человеческой сексуальности

Человек включен в систему социальных отношений, является их творцом, носителем, транслятором по линии смены поколений, т.е. активным субъектом этих отношений, являющихся, вместе с тем, доминирующей составляющей человеческой природы. Поэтому изменение характера и организации социальных отношений напрямую затрагивает изменение самой природы человека.

Американский социолог и философ культуры Эдвард Тирьякян — последователь и активный пропагандист идей Эмиля Дюркгейма — приложил большие усилия не только к их интерпретации на базе современной философии, прежде всего экзи-

стенциализма¹, но и к осмыслению в их свете ряда интересных изменений социальной структуры и культуры современного общества.

В рассматриваемой статье Тирьякяна «Сексуальная аномия, социальная структура, социетальное изменение»² речь идет об одном из важнейших понятий современной социологии — *аномии*, кор-

¹ См.: Edward A. Tiryakian. Sociologism and Existentialism: Two Perspectives on the Individual and Society, Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall, X / 176 pp. Русский перевод главы I и главы VIII указанной книги: Тирьякян Э. Социологизм и экзистенциализм // Вопросы социальной теории: Научный альманах. М., 2007. Том I. Выпуск 1. С. 50–85).

² Edward A. Tiryakian. Sexual Anomie, Social Structure, Societal Change // Social Forces, vol. 59 no. 4 (1981), pp. 1025–1053.

ни которого уходят на две с половиной тысячи лет в прошлое. В древнегреческом языке *anomos* означает «незаконный», «вне нормы», «неуправляемый», этот термин встречается у Еврипида и Платона. В социологический контекст понятие «аномии» было введено Дюркгеймом в 1893 г. в его докторской диссертации «О разделении общественного труда»³, в котором это отклонение от нормального общественного развития объясняется плохой согласованностью между социальными функциями; более полную трактовку оно получило в последующем эпохальном исследовании «Самоубийство»⁴, в котором суицидальные тенденции рассматривались в качестве индикатора аномии. По оценке Тирьякяна, концепция социальной аномии имеет чрезвычайно эвристическое значение для анализа современного общества. Эту оценку разделяют и российские учёные. Так, исследователь творчества Дюркгейма А.Б. Гофман отмечает: «Особенно важное значение для развития социологического знания имело понятие «аномии», которым Дюркгейм обозначает состояние ценностно-нормативного вакуума, характерного для переходных и кризисных периодов и состояний в развитии общества, когда старые социальные нормы и ценности перестают действовать, а новые еще не установились»⁵.

Проблема социальной аномии, поднятая Дюркгеймом, десятилетия спустя получила фундаментальную разработку у американского социолога Роберта Мертона («Социальная структура и аномия», 1938 г.). Он рассматривал аномию как результат несогласия и конфликта между «культурой» и «социальными структурами». Талкотт Парсонс расширил мертоновскую типологию девиантного поведения. Согласно Маккайверу, социальная аномия есть разрушение чувства причастности индивида к обществу, когда человек не является сдержанным в силу своих нравственных норм, для него они более не существуют. Э. Фромм с не меньшей силой, чем Спенсер и Мертон, обличает античеловеческую порочность «большого общества». Надо отметить и вклад, внесенный Фроммом в расширение понятия аномии посредством разработки его психопатологического аспекта, благодаря чему

он продолжил дюркгеймовскую традицию поиска психологической стороны аномии, что, по существу, было отвергнуто Мертоном⁶.

Таким образом, нетрудно заметить, что Тирьякян, следуя в русле социологии Дюркгейма, в то же время использовал теоретические разработки своих западных коллег по данному вопросу.

Подчеркивая значение дюркгеймовского анализа аномии, Тирьякян обращает своё внимание на поднятую французским социологом дискуссию о сексуальных отношениях и утверждает, что изменение социальных отношений обусловлено изменением сексуальных отношений и гендерных ролей. Этот тезис, по меньшей мере, неточен, поскольку утверждает, что первичная, естественная сторона человеческой природы выступает в качестве фактора изменения вторичной, социокультурной природы человека. Между тем инстинктивная сторона человеческой природы не играет самостоятельной роли, не является независимым, самодостаточным и абсолютно доминирующим фактором, а определяется в конечном итоге социокультурной системой в целом, поскольку биологическая составляющая человека подвергается по своему характеру и формам проявления регулированию и культурной трансформации в обществе.

В своей статье Тирьякян отталкивается от принципиального положения Дюркгейма, согласно которому сексуальность и формы ее регуляции являются базовыми чертами социальной организации. На основании этого он считает, что понятие сексуальной аномии, обозначающее нарушение социальной регуляции и девальвацию культурной значимости отношений между полами, эвристично для понимания особенностей современного общества, которое подвергается преобразованиям в сфере сексуальных отношений и сексуальной идентичности. В итоге Тирьякян приходит к выводу, что проблема сексуальных отношений приобретёт центральное значение для социального строя развитых стран и, следовательно, должна быть переосмыслена в качестве главной переменной в общественных изменениях.

Добавим от себя, что лейтмотивом этого инновационного процесса являются существенные

³ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991. С. 342–343.

⁴ Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд / Пер. с фр. с сокр.; Под ред. В.А. Базарова. М., Мысль, 1994. 399 с.

⁵ Гофман А.Б. О социологии Эмиля Дюркгейма // Там же. С. 556.

⁶ См.: Туркиашвили Ш.А., Горозия В.Е. Человек: соотношение национального и общечеловеческого. Сб. материалов международного симпозиума (г. Зугдиди, Грузия, 19–20 мая 2004 г.) Выпуск 2 / Под ред. В.В. Парцвания. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2004. С. 249–258.

перемены, затрагивающие социоприродные свойства и характеристики человека. Ведь «важнейшие жизненные социальные установки у человека (индивида, личности) как видовые свойства реализуются в жизни так, что в них сочетаются хорошо известные для животных нейрогормональные механизмы стресс-реакции и новые механизмы специфичной для человека регуляции»⁷.

Лейтмотив исследования Тирьякяна состоит в анализе условий и последствий разрушительного воздействия, которому подвергается общество вследствие ослабления регулирования отношений между полами посредством брачного права, получившее название *сексуальной аномии*.

Такая постановка вопроса зафиксирована в самом названии статьи Тирьякяна: «Сексуальная аномия, социальная структура, социетальное изменение». Он рассматривает феномен «сексуальной аномии» в первоначальном, дюркгеймовском смысле, прослеживает его переосмысление в современную эпоху, отмеченную печатью сексуальной революции, и анализирует в его свете современную картину социального ландшафта⁸.

Социальное регулирование сексуальности

В своей статье о сексуальной аномии, по Дюркгейму, Тирьякян рассматривает регулятивную функцию брака и связанные с ней особенности поведения мужчин и женщин. Социологи видят в браке регулятор проявлений полового влечения посредством подчинения его установленной традицией и законодательством жёсткой форме отношений между полами. Ослабление этого регулирования вследствие учащения разводов трактуется как аномия — проявление нежелательного для общества деструктурирования и дисфункционирования.

В этой проблематике раскрываются весьма эвристические по своему значению философско-антропологические аспекты. Естественная сторона человеческой природы — инстинктивное половое влечение и его проявления во взаимоотношениях мужчины и женщины — становится посредством морально-правового регулирования элементом социокультурного института брака.

При этом они в принципе лишаются своего свободного и произвольного проявления, прежде всего полигинного (хотя это далеко не полностью соответствует бытующей практике), и включаются в жесткую схему моногамного супружества. Эта схема к тому же зачастую регламентируется временными и пространственными параметрами, не говоря уже о том, что для людей определенного статуса (монахи, отшельники) эти отношения вообще оказываются под строжайшим запретом. Благодаря этому «животная» природа человека обретает социокультурную форму своего проявления, иначе говоря, культуризируется и социализируется.

Другая и немаловажная сторона этого процесса, имеющего социально принудительный характер, несмотря на культурологическую установку на интериоризацию человеком предписанных ему норм и правил поведения, чревата определенным насилием над его изначальными инстинктивными склонностями, что нередко приводит к драматическим последствиям. Они стали предметом тщательного исследования в книге Дюркгейма «Самоубийство», где он на основании суицидальной статистики выясняет противоречивое воздействие брачной регламентации на душевное состояние и жизненное благополучие супругов.

Сложность и напряжённость затронутой здесь проблемы позволяют понять размышления французского философа Поля Рикёра на остро сформулированную им тему «Сексуальность: чудо, заблуждение, загадка». По его словам, «что бы ни говорили о некой устойчивости в супружестве, Эрос не подлежит институализации. Сводя Эрос к контракту, к супружескому долгу, ему наносят оскорбление; естественность его отношений не подлежит анализу в понятиях «долг — обязательство», его закон, переставший быть законом, — это взаимное дарение. Эрос в силу самой своей сути, своего демонизма угрожает институту — любому институту, в том числе и институту брака»⁹.

Насколько прав Рикёр, свидетельствуют исторические изменения общества, которые были сопряжены с ослаблением моногамных уз — развод, допускавшийся ранее при чрезвычайных обстоятельствах, становится обычным явлением. Эта ситуация получает наименование «аномии сексуальности», в ней видят снижение социокультурной значимости отношений между полами, проявля-

⁷ Казначеев В.П., Спирин Е.А. Феномен человека: комплекс социоприродных свойств // Вопросы философии. 1988. № 7. С. 30–31.

⁸ Edward A. Tiryakian. Sexual Anomie, Social Structure, Societal Change // Social Forces, vol. 59 no. 4 (1981), p. 1026.

⁹ Рикёр П. История и истина. СПб., Алетея, 2002. С. 233.

ющееся в ослаблении их регулирования посредством института брака. Наиболее ярким проявлением этой тенденции Дюркгейм считал развод по обоюдному согласию супругов, о чём он даже написал специальную статью.

При брачном регулировании сексуальности ей придаётся амбивалентное нравственно-правовое значение: либо позитивное — когда брачные узы крепки, и тогда супружеству приписывается добродетельность, либо негативное — в случае супружеских измен и развода, и тогда взаимоотношения мужа и жены расцениваются как нравственное падение. В любом случае сексуальность воспринимается не как чисто биологическое, а как трансформированное социокультурное явление, в котором над инстинктивным влечением доминируют нравственно-правовые приоритеты (при хозяйственно-бытовой и экономической коннотации в системе частнособственнической моногамии). Эти приоритеты, закрепляющие общественную и личностную значимость супружеского сожительства, как раз и составляют «вторую природу» человеческой сексуальности, существующую в форме брачно-семейных отношений. Большую роль в этом плане играет также то обстоятельство, что брак и семья на протяжении почти всей истории своего существования обладают религиозной санкцией благодаря приписываемому им божественному установлению, т.е. являются предметом религиозной культуры, а в свою очередь, и субъектом её влияния и воспроизводства.

Такова многогранная роль сексуальности в плане вторичной, социокультурной природы человека и поэтому ослабление этой роли при нарушении традиционного уклада брачно-семейных отношений за счет роста численности разводов расценивается социологами и культурологами как аномия. П. Сорокин писал в 1942 г.: «Пока будут продолжаться такие бедствия, как война, голод, революции и эпидемии, пока кризис нашей культуры и общества будет углубляться, во всех современных обществах, переживающих кризис, можно ожидать нарастание следующих тенденций... Доля распавшихся семей будет значительно больше; святость брака для многих людей утратит всякое значение; число разводов возрастет. Этот частичный распад семьи и брачных отношений, возможно, будет нейтрализован в других группах населения усилением целостности семьи и большим уважением к святости семейных уз. Позднее, в послекризисный период, это противодействие усилится настолько,

что аномия, царящая в сфере семейно-брачных отношений, прекратится»¹⁰.

Столь же успокоительный тон в оценке преодоления в недалёком будущем сексуальной аномии прозвучал в работах некоторых российских авторов. По словам А.Б. Гофмана, «описанное Дюркгеймом состояние аномии всегда сопровождает общества в переходные периоды их истории; в этом смысле оно нормально. Такое состояние, по-видимому, переживает в настоящее время и наше общество. Осознание этого — первый шаг на пути преодоления аномического состояния. Тогда на смену ценностям изуродованным, девальвированным, антигуманным придут ценности подлинные, основательные, свободно и ответственно принятые»¹¹.

Между тем сам Сорокин вскоре утратил уверенность в этой оптимистической перспективе. Всего через семь лет он выпустил свою знаменитую книгу «Американская сексуальная революция», в которой всесторонне анализирует разразившийся социально-нравственный кризис в западных странах, связанный с культурной деградацией сексуальности.

Глубинные причины этого процесса заложены в том, что по последним данным биологии и психологии, половая и сексуальная идентичность человека намного сложнее биполярной идентичности «мужчина-женщина». Современная наука отказалась считать половую принадлежность индивида монолитной и однозначной, т.к. выяснилось, что пол — сложная многоуровневая система, элементы которой формируются разновременно, на разных стадиях индивидуального развития (онтогенеза). Каждому этапу половой дифференцировки соответствует определенный критический период и если он почему-либо «пропущен», то последствия этого большей частью необратимы — у человека возникает нетрадиционная половая и гендерная ориентация.

Кроме того, под влиянием особенностей современной жизни (урбанизация и миграция населения, широкое вовлечение женщин в произ-

¹⁰ Сорокин П.А. Человек и общество в условиях бедствий: Влияние войны, революции, голода, эпидемии на интеллект и поведение человека, социальную организацию и культурную жизнь. СПб.: Изд. дом «Мирь», 2012. С. 236, 239.

¹¹ Гофман А.Б. О социологии Эмиля Дюркгейма // Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1990. С. 524.

водственную и социальную сферы) сексуальность порой перестаёт позиционироваться в своей традиционной биполярной идентичности и приобретает изменчивую, лабильную и даже вариативную форму проявлений в зависимости от характера социальных связей и культурной среды, в особенности под воздействием современной сексуальной революции. Человеческая сексуальность менее всего похожа на неизменный и самодостаточный фактор, функционирующий независимо и в полной изоляции от системы отношений, в которых находятся между собой его непосредственные носители, в т.ч. от всего многообразия социальных институтов, в той или иной мере заинтересованных в благополучии брачного сожительства. Поэтому общественное регулирование отношений между полами (прежде всего средствами половой морали и брачно-семейного права) состоит в конечном итоге не в одном контроле предписанных форм поведения и взаимоотношений, но также в придании последним определенных культурно-нравственных смыслов и общественных значений, зачастую с религиозно-церковных позиций. С этой точки зрения ослабление брачно-семейных уз, объективно фиксируемое повышением уровня разводов, понимается не однопланово, не только в качестве снижения эффективности запретов на расторжение брака, а как девальвация социально-ценностного значения соответствующих отношений, что достаточно адекватно выражается понятием «аномия сексуальности».

Тенденция к отказу от традиционного для патриархального общества жёсткого регулирования взаимоотношений между полами в пользу их социального равноправия заставляет вспомнить слова Христа: «Не человек для субботы, а суббота для человека». Применительно к браку в условиях современного эгалитарного строя данная максима означает, что институт брака потерял самодовлеющее значение и что социальная регуляция сексуальности теперь мотивируется, прежде всего, личными потребностями и интересами самого человека, его заинтересованностью в обретении гармонии и счастья в супружеском сожительстве, в удовлетворении материнских и отцовских чувств, а не привходящими экономическими и бытовыми соображениями, сколько бы важной роли они ни играли в повседневной жизни людей. В этом обнаруживается тенденция отказа от приоритета институализации сексуальности над свободным проявлением её нравственно-психологической составляющей,

получившей доминирующее аксиологическое значение в современной цивилизации.

Это означает, что социоприродные свойства и характеристики человека далеко не умещаются в жёсткую схему моногамного брака, человеческая природа в её духовно-нравственном и эстетико-психологическом аспекте берет верх над обезличенной социализацией взаимоотношений мужчин и женщин, причем не только в области идеализированных настроений, но и в повседневном быту. Поэтому залогом прочности супружеских уз и перспективы их сохранения в будущем является не сами по себе юридические и материальные основы брачного союза, а его наполнение экзистенциальными смыслами и ценностями — нравственно-эстетическими, эмоционально-психологическими и житейски-бытовыми, придающими непреходящее значение межличностному единению моногамной пары, идущей совместным жизненным путем и реализующей свои человеческие потребности в своих детях и в семейном содружестве в целом.

Переоценка сексуальной аномии, половая и гендерная вариативность

«Имеет ли смысл говорить о сексуальной аномии в наши дни?» — так кардинально ставит вопрос Тирьякян применительно к современному обществу модерна. И отвечает: «Изменения в половом разделении труда, знаменующие ещё большее уравнивание профессиональных ролей в XXI веке, и даже изменения в брачных отношениях (например, большее число живущих вместе неженатых пар и по-прежнему высокие показатели разводов) не являются аномическими сами по себе, поскольку лежат в русле улучшения и упрочения участия женщин в свободном обществе. В этом следует видеть не побочный продукт продвинутого общества модерна, а возможно, одну из его главных черт — повышение социального статуса женщины вплоть до её равного участия и вклада в публичной сфере»¹². Иначе говоря, то, что для Дюркгейма составляло сексуальную аномию, в обществе модерна перестало осмысливаться в качестве социальной девиации, а напротив, стало рассматриваться как характерная особенность освобождения отношений между полами от патриархального неравенства в общественной и частной жизни.

¹² Edward A. Tiryakian. Sexual Anomie, Social Structure, Societal Change // Social Forces, vol. 59 no. 4 (1981), p. 1045.

И хотя вслед за Дюркгеймом всё же можно назвать современный переходный период, сопровождающийся большой долей неопределённости в изменении нормативных показателей сексуальности и гендерных ролей, периодом «сексуальной аномии», оценка его у Тирьякяна принципиально иная: «Превращение отношений женщин и мужчин в отношения большего равенства — в экономической, политической, развлекательной и сексуальной областях — следует рассматривать не как аномическое изменение, а как прогрессивное, идущее в русле развития общества модерна»¹³. Таким образом, это уже не аномия сексуальности, а её адаптивное изменение применительно к социокультурным реалиям современности.

Тем не менее, на современном этапе общественного развития проблема сексуальной аномии не только не снята с повестки дня, но получила новое, неизвестное Дюркгейму огромное значение. Это произошло благодаря разразившейся сексуальной революции, под влиянием которой сексуальная аномия приобрела новое содержание и стала кризисным проявлением гендерных изменений.

Здесь необходимо сделать небольшое пояснение о новейших достижениях в сексологии и культурологии, связанных с разработкой гендерной теории, акцентирующей свое внимание на социальных аспектах взаимоотношений между полами и позволившей избежать биологического редукционизма в понимании сексуальности человека. Термин «гендер» был предложен по той причине, что слово «секс» стало употребляться в значении «соитие» и приняло «грязный» оттенок, в результате для обозначения когнитивных, поведенческих и личностных характеристик, различающихся между собой у мужчин и женщин¹⁴, был предложен этот новый термин (английское gender, от лат. gens — род). В психологии и сексологии «гендер» употребляется в широком смысле, подразумевая любые психические или поведенческие свойства, ассоциирующиеся с маскулинностью и фемининностью. В общественных науках и особенно в феминизме «гендер» приобрел более узкое значение, обозначая «социальный пол», т.е. социально детерминированные роли, идентичности и сферы деятельности мужчин и женщин, зависящие не от

биологических половых различий, а от социальной организации¹⁵.

Категория «гендер» употребляется и в российском обществоведении, включая систему образования. Так, распоряжением Министерства образования и науки Российской Федерации от 22.04.03 № 480-15 утвержден план мероприятий по реализации гендерной политики в системе образования, предусматривающий, в частности, изучение педагогами в рамках повышения квалификации вопросов по основам гендерных знаний, гендерным проблемам в системе образования.

За новой терминологией стоит повышенное внимание не только к социальным факторам, но и к индивидуально-психологическим особенностям и самосознанию человека. Он является активным участником процесса формирования гендерной идентичности, принимает или отвергает предлагаемые ему роли и модели поведения, способен осуществлять их «перекодирование» или «перустановку» в соответствии с теми или иными жизненными обстоятельствами.

Для более глубокого освещения данной проблемы целесообразно обратиться к её философскому и культурологическому аспектам. На конференции «Проблемы комплексного изучения человека» Л.П. Буева в докладе «Динамика ценностных ориентаций и стимулов развития личности» отмечала, что «возрастающее значение принципа «разнообразия» играет особую роль для формирования человеческой индивидуальности, которая оказывает все большее влияние на ход общественного развития»¹⁶.

Феномен гендера и соответствующие ему дифференциации необходимо осмыслить и с позиций философской антропологии в плане культурно-исторического генезиса человеческой природы, одной из важнейших составляющих которой является сексуальность. Гендерный подход выражает философско-антропологическое понимание сексуальности в качестве иерархически организованного феномена — социокультурного, психологического и биологического — целостного и одновременно структурно многопланового, имеющего разнообразное функциональное назначение. Следует подчеркнуть, что неправильно рассматривать

¹³ Там же.

¹⁴ См.: Бутовская М.Л. Антропология пола. Фрязино: Век 2, 2013. С. 10.

¹⁵ См.: Кон И.С. Пол и гендер. Заметки о терминах // Андроология и генитальная хирургия. 2004. № 1. С. 31–34.

¹⁶ Буева Л.П. Динамика ценностных ориентаций и стимулов развития личности // Вопросы философии. 1988. № 7. С. 52.

гендер как результат только социокультурных воздействий на индивида и воспитания, игнорируя его исходную природно-биологическую составляющую (сама по себе она также вариативна у человека, поскольку характеризуется, согласно исследованиям американского сексолога Джона Мани, восемью признаками пола).

Гендерные вариативные изменения и формы проявления представляют собой антропологическую флюктуацию человеческой природы под влиянием всей совокупности многообразных факторов среды и воспитания, воздействующих на индивида, не исключая его собственных склонностей и того выбора, который он делает, активно участвуя в формировании своего собственного гендерного «проекта». Вариативность гендера выражает и ту динамику ценностных ориентаций и мотиваций, связанную с возросшей сложностью и многообразием социальных ролей и культурных тенденций в современной цивилизации, которую рассматривала Л.П. Буева.

О давнем существовании гендерной вариативности говорят этнографические данные: многие культуры не только признают наличие людей «третьего пола», но и создают для них специальные социальные ниши и статусы, обычно связанные с отправлением тех или иных оккультных ролей (шаманов, магов, знахарей и врачей). Как отмечает М.Л. Бутовская, «для тайцев, филиппинцев, индусов, или индейцев США и Канады — феномен третьего пола полностью согласуется с установками их традиционной культуры»¹⁷. В данном контексте речь идет об альтернативной сексуальности в отличие от распространенной бинарной, причем трактуется она в общем смысле, опуская фактически существующие вариативные особенности и формы проявления.

С середины прошлого века нетрадиционная сексуальность широко афишируется в западных странах и обрела активных идеологических и политических сторонников из числа феминистских и гомосексуальных движений. Дело не ограничивается шумными идейно-политическими спекуляциями — нетрадиционная сексуальность вторгается в быт и стремится навязать приоритеты сексуальных меньшинств всему обществу. «Признание факта наличия третьего пола в США и европейских странах в наши дни в корне меняет традицион-

ные представления о дискретности пола и четких границах между полами, а также требует пересмотра целого ряда юридических актов, в первую очередь, касающихся семейного кодекса и прав наследования»¹⁸. Такую перспективу гендерной революции рисует нам социальный антрополог М.Л. Бутовская.

Между тем распространение вариативной сексуальности в западных странах нельзя рассматривать в качестве реанимации реликтов архаической культуры. Это революционная по своему смыслу и последствиям новация больше вызывает больше недоуменную и тревожную реакцию, чем взвешенную культурологическую и философскую рефлексию. Кардинальное значение этого явления состоит в том, что оно ведёт к глубоким изменениям социальных структур общества, о чем предупреждает Тирьякян в своей статье, а по существу означает философско-антропологический переворот в области традиционных форм человеческого общежития.

Асоциальные и контркультурные последствия сексуальной революции

Современный сценарий радикальных изменений сексуальности Тирьякян характеризует кратко: пересмотр сексуальной анонии — это возвращение к андрогинии¹⁹. При этом он обращается к далекой предыстории этого феномена, который считается новейшей идеей феминистской контркультуры, а в действительности имеет давнюю традицию в девиантной эзотерической субкультуре западной цивилизации. Об этом свидетельствуют гностические тексты и исторические материалы, относящиеся к римскому обществу в начале христианской эры. Если бы гностицизм в своё время взял верх над ортодоксией, то, полагает Тирьякян, — «религиозные символы поддержки социального строя в корне отличались бы от тех символов, которые на протяжении столетий были ядром общей культурной парадигмы как католических, так и протестантских стран». Иначе говоря, «гностицизм» мог породить самые радикальные социокультурные изменения, в том числе в образе жизни людей. Всё это звучит как серьёзное предупреждение современному человечеству, затронутому стихией сексуальной революции.

¹⁸ Там же. С. 32.

¹⁹ Андрогиния — интеграция, сбалансированное сочетание мужских и женских характеристик, личностных черт.

¹⁷ Бутовская М.Л. Антропология пола. Фрязино: Век 2, 2013. С. 30.

Идеология андрогинии, характеризующаяся размыванием половой идентичности, т.е. гендерной вариативностью, «достойна считаться в условиях существующих форм половой и гендерной дифференциации по-настоящему революционной, — полагает Тирьякян. — Эта идеология направлена против полового разделения труда в семье и на работе и существующих стереотипов мужского и женского поведения. Андрогиния как идеология направлена против преобладающей в настоящее время формы нуклеарной семьи (*союз мужчины и женщины, проживающих вместе со своими детьми — Прим. авт.*), которая является источником воспроизводства гетеросексуальности в условиях социализации детей родителями; идеология андрогинии отстаивает развитие бисексуальных личностей»²⁰.

Феминистские идеологи часто отождествляют в растяжимом и довольно неопределённом в их употреблении понятии «сексуальная революция» совершенно разные явления: достижение социального равноправия женщин с мужчинами и «сексуальную свободу» (скорее, анархию). Роль этих тенденций противоположна для социокультурного совершенствования человека и для повышения его вклада в развитие цивилизации. Объясняется это различие тем, что равноправие между полами в общественной и семейной сферах (социально-политическое, экономическое, хозяйственно-бытовое) непосредственно не связано с сексуальностью так таковой. Поэтому сексуальная революция имеет отношение к другому — не к организации разделения труда между мужчинами и женщинами, а к одному из важнейших аспектов человеческой природы, точнее, — к радикальному изменению правового и морального регулирования полового влечения и связанного с ним поведения, к восприятию эстетической и нравственной ценности телесно-психической и духовной идентичности человека и складывающихся на этой основе отношений между людьми.

Однако в западном обществе складывается сложная ситуация под воздействием сексуальной революции, поскольку в основе последней лежат как несомненные культурные, гуманистические ценности, так и антиценности контркультуры, подрывающие институты супружеского сожительства и семейного воспитания детей.

Идеологи сексуальной революции подменили проблему социального равноправия полов

проблемой разнообразия форм реализации сексуальности. Так, пользователи «Фейсбук» больше не будут делиться только на мужчин и женщин, — сообщило агентство «Ассошиэтед пресс» 13.02.2014 со ссылкой на администрацию указанной социальной сети. Теперь американский сегмент данной соцсети при регистрации предлагает пользователю на выбор три предпочтительных наименований пола — «он», «она» или «оно» — и ещё около пятидесяти различных вариантов пола, в т.ч. таких, как «транссексуал», «цисгендер», «бигендер», «андрогин», «интерсексуал», «гендерквирк», и многих других, в большинстве неизвестных широким слоям населения.

Таким образом, феминистская идеология андрогинии, выступающая под лозунгом ниспровержения патриархального неравенства в обществе, главной целью своих устремлений считает упразднение, или интеграцию гендерных различий в обществе, что, в сущности, ведет к обесценению сексуальности и подчас компенсируется раздуванием эротических фантазий.

Оценивая этот процесс, Тирьякян пишет: «чем значительнее характер изменений в сексуальности и чем более неопределённым источником межличностной идентичности сексуальность может стать, тем менее значительной она будет становиться, приближаясь практически к нулевой точке предельной полезности»²¹. Несмотря на критичность этого высказывания, Тирьякян по существу недооценивает социально разрушительные последствия сексуальной революции для существования брачно-семейного института и его репродуктивно-воспитательных функций. Он ограничивается констатацией фактов: чем значительнее изменения сексуальности в сторону её неопределённости, тем незначительнее сексуальность станет в социально позитивном смысле.

На наш взгляд, данное рассуждение слишком односторонне, в нём отсутствует аксиологический подход, убедительно показывающий нравственную и эстетическую деградацию сексуальности в современный кризисный период; доминирует структурно-функциональный подход, демонстрирующий дисфункциональное значение («нулевую полезность») сексуальности, утрачивающей свой социокультурный смысл. Однако этот факт не нивелирует целиком и полностью социальное значение сексуальности, а

²⁰ Edward A. Tiryakian. Sexual Anomie, Social Structure, Societal Change // Social Forces, vol. 59 no. 4 (1981), p. 1046.

²¹ Там же. P. 1048.

придает ей обратное, негативное значение для структурирования межличностных отношений и общества в целом. Отмеченное суждение является исключением в рассматриваемой статье Тирьякяна, поскольку в целом он убедительно показывает контрпродуктивное воздействие сексуальной революции на социальные структуры западного общества.

Приведенные рассуждения Тирьякяна о кризисном состоянии сексуальности в современный общественно-исторический период целесообразно дополнить высказываниями французского философа Поля Рикёра по данной проблеме, поскольку у него мы находим более точное объяснение тем загадочным превращениям, которым оказалась подвержена в обществе социального отчуждения человеческая сексуальность, которую он называет чудом. Рикёр пишет: «Устранение сексуальных запретов привело к таким любопытным последствиям, которых поколение Фрейда не знало; я имею в виду доступность, приведшую к утрате ценностей: сексуальность оказалась чем-то совсем близким, наличествующим и в то же время сведенным к простой биологической функции, к незначимой функции»²². Рикёр обобщает эти заключения в форме закономерной тенденции: «Всё, что облегчает сексуальную связь, содействует вместе с тем падению до нулевой отметки ее смысла и ценности»²³.

Вместе с тем, здесь обнаруживается диалектика перехода исходного качества в свою противоположность, которую французский философ точно формулирует: «Наряду с тем, что сексуальность становится незначимой, она становится и более необходимой в качестве компенсации за потери, которые человек несет в других областях своей жизни; сексуальность, подстегиваемая своей компенсаторной и реваншистской функцией, становится в определенном смысле неуправляемой»²⁴. В негативных социальных обстоятельствах эта роль выпадает на долю эротика — эмоционально-психологической составляющей сексуальности, являющейся при благоприятных условиях источником красоты любовного общения. В большом обществе «эротика выступает в качестве реванша не только

за то, что труд, политика, слово утратили свое значение, но и за то, что утратила свое значение сама сексуальность. Отсюда — поиски фантастической сексуальности»²⁵. Сегодня они реализуются порой в самых причудливых формах, что на удивление шокирует далеко не всех²⁶. Как справедливо отмечает П.С. Гуревич, «наша культура эротизирована едва ли не до предела»²⁷.

В этой связи необходимо, хотя бы кратко, отметить громадный резонанс, который получила обсуждаемая тема в нашей стране. «Поразительно, писали в начале нового столетия Римашевская И.М., Маркова Н.Е., но «Американская сексуальная революция», написанная Питиримом Сорокиным ровно пятьдесят лет назад, является для России горячо злободневной. Вот уже более 15 лет мы наблюдаем на экранах телевизоров и в кинотеатрах, обнаруживаем в новейшей литературе и в журналах, в газетах и Интернет-сети поток информации гипертрофированной сексуальной направленности. Сексуальная тематика патологического характера, стала главной составляющей произведений искусства»²⁸.

Таково существо современного исторического процесса, который Тирьякян схематически обозначил как «пересмотр сексуальной аномии и возврат к андрогинии». Это не похоже на обычную структурную перестройку общественных отношений — любимый предмет его исследований. По своему значению данная тенденция представляет собой угрожающее общественным устоям революционное преобразование. Роберт Мертон, разработавший вслед за Дюркгеймом теорию социальной аномии, отнес бы его к разряду «мятежей», для которых характерен вызов существующему ценностному порядку вещей и средствам их достижения.

²⁵ Там же. С. 231.

²⁶ Так, 11.03.2014 телеканал «Россия 24» сообщил о том, что британка Аманда Роджерс объявила о бракосочетании с собственной собакой. По ее словам, поскольку британские законы не разрешают подобные действия, она совершила необходимые обряды в католическом храме Хорватии. После «венчания» состоялось торжество, на которое съехалось около двухсот гостей.

²⁷ Гуревич П.С. Философская антропология. М.: Омега-Л, 2010. С. 206.

²⁸ Яковец Ю.В. Волны сексуальной революции и демографическое будущее России // Сорокин П.А. Американская сексуальная революция. М., 2006. С. 6,5.

²² Поль Рикёр. Сексуальность: чудо, заблуждение, загадка // Рикёр П. История и истина. СПб.: Алетейя, 2002. С. 228.

²³ Там же. С. 229.

²⁴ Там же.

Сексуальная революция бросает вызов обществу

Тирьякян вряд ли переоценивает масштабы и глубину воздействия сексуальной революции, когда утверждает, что она имеет столь же далеко идущие последствия для трансформации общества, как и воздействие капитализма, бесповоротно изменившего цивилизованный мир²⁹. Столь же категоричную оценку этому явлению дает российский ученый: «Несмотря на свои необычные черты, сексуальная революция так же важна, как самые драматические политические или экономические перевороты. Она изменяет жизнь людей более радикально, чем любая другая революция нашего времени»... Сексуальная революция стала одной из проявлений и факторов кризиса и заката постиндустриального общества³⁰.

Действительно, сексуальная революция, взятая в широком историческом контексте, свидетельствует о вступлении западных стран, охваченных этим явлением, в переходный период особого свойства — период деградации социокультурного значения сексуальности и негативного воздействия на сопричастные этому процессу социальные отношения. Этот период отмечен столкновением общественных групп, придерживающихся противоположных идеологических и социально-психологических установок в плане отношений междуполами. Появились инициативные группы, — пишет Тирьякян, — стремящиеся изменить законодательство, касающееся сексуальных отношений (например, декриминализовать проституцию, инцест, содомию³¹), выступают с акциями в поддержку сексуальных меньшинств. В ответ на это следует противоположная реакция со стороны людей, высказывающих моральное возмущение попытками пересмотреть существующее сексуальное регулирование. Подытоживая эти наблюдения, Тирьякян заявляет: «Необходимо ясно осознать, что в ближайшие годы мы будем свидетелями боль-

ших перемен и социальных конфликтов, включающих в себя изменения сексуальности и гендерных ролей»³². Очевидно, что в современный период социокультурных изменений речь идёт о существенном преобразовании такого важнейшего социо-природного измерения феномена человека, как его сексуальность.

Тем самым брошен вызов также и современной науке — социологии, культурологии и антропологии, призванных проследить исторические изменения общества и человека в их взаимосвязях. Тирьякян полагает, что «если социология справится с таким явлением, как значительные изменения или попытки изменений половой основы общественного строя, ей придётся пересмотреть многие свои предположения и модели параметров социальной организации»³³.

В связи с этим он обращается к высказываниям известного американского общественного деятеля У.Э.Б. Дюбуа (Дюбойса), который в начале XX века назвал проблемой века вопрос расовых отношений. Однако позднее, когда начала вырисовываться перспектива нового тысячелетия, стал утверждать, что вопрос сексуальных отношений — значений, форм и социальной регуляции сексуальности — будет в равной степени центральной проблемой для дальнейшего развития общества модерна.

Подхватывая эту тему, Тирьякян подчеркивает, что проблематику сексуальности, включая индивидуальную и коллективную идентичность, вполне можно рассматривать как коренную для общества модерна, а не как сопутствующее явление в социальной структуре и социальном изменении. Поэтому, по его мнению, заслуживают внимания смелые размышления и концептуализации по вопросам сексуальности и истории, которые предпринимались такими разными авторами, как Р. Пэдгаг, М. Фуко и П. Сорокин (последнего Тирьякян называет «пророком современности»). Он привлекает наше внимание к важной модели общественных изменений, социокультурного творчества и сексуальной свободы, представленной П. Сорокиным.

Согласно указанной модели, основанной на исследовании истории западного общества, периоды продолжительного сексуальной сдержан-

²⁹ Edward A. Tiryakian. Sexual Anomie, Social Structure, Societal Change // Social Forces, vol. 59 no. 4 (1981), p. 1050.

³⁰ Яковец Ю.В. Волны сексуальной революции и демографическое будущее России // Сорокин П.А. Американская сексуальная революция. М., 2006. С. 10–11.

³¹ В последние десятилетия в западных странах широко развернута кампания по легализации педофилии, апеллирующая в свою защиту к правам человека, провозглашая, что указанная природная девиация входит в круг индивидуальных прав человека.

³² Edward A. Tiryakian. Sexual Anomie, Social Structure, Societal Change // Social Forces, vol. 59 no. 4 (1981), p. 1048.

³³ Там же.

ности, за которыми следует умеренная степень сексуальной свободы, сопровождаются повсеместным коллективным творчеством и продуктивностью. Когда нет каких-либо ограничений на публичное выражение сексуальности или переоценку прежних половых ценностей — условие, которое Сорокин называет половой анархией и которое следовало бы также назвать сексуальной аномией — это либо предшествует, либо случается одновременно с большими внутренними или международными социально-политическими потрясениями. Таким образом, Сорокин рассматривает сексуальную аномию и политическую аномию как взаимосвязанные и взаимозависимые явления.

Следует, однако, подчеркнуть, что отстранённый объективистский подход к этой актуальной проблематике, затрагивающей будущее и само существование человечества, недостаточен в научно-познавательном отношении и несостоятелен в нравственно-гуманистическом смысле. Необходимо активное участие всего человеческого сообщества в устранении негативных последствий рассматриваемого эволюционного процесса с тем, чтобы стабилизировать репродуктивные и воспитательные функции брачно-семейных отношений, повышать их результативность и вклад в социальный и культурный прогресс с тем, чтобы избежать разрушительных последствий сексуальной аномии — десоциализации и декультурации важнейшей составляющей человеческой природы, а в конечном итоге — энтропийного сценария в развитии человеческого общежития.

Подводя общий итог исследованию Тирьякяна, попытаемся выделить ключевые положения, касающиеся философско-антропологической трактовки феномена человека. Его основная тема — сексуальная аномия — относится к одной из острейших проблем современного человека, имеющей не только индивидуально-личностное значение, но и затрагивающей важнейшие аспекты культуры и социальной организации общества.

Сексуальность как часть человеческой природы трактуется в качестве сложного, системно организованного феномена, который имеет двухуровневое структурное строение (биологическое и социокультурное, соответственно обозначаемое понятиями пола и гендера) и вместе с тем обладает разнообразным функциональным назначением. Его широчайший спектр простирается от удовлетворения плотских желаний и репродуктивной по-

требности до целой иерархии сублимированных чувственных и духовных состояний, включающих возвышенную любовь, душевное единение и межличностный жизненный союз.

В целом философско-антропологическая проблематика сексуальности тесно взаимосвязана с динамикой социокультурных отношений и процессов. С одной стороны, культурно-исторический феномен сексуальности подвергается социализации и культурализации посредством многочисленных цивилизационных факторов, таких как социальные и правовые институты, взаимодействующая с человеком производственная и бытовая среда, его самоконтроль поведения и самовоспитание. С другой стороны, сексуальность, как и вся естественная составляющая человеческой природы, оказывает существенное воздействие на формирование, динамику и изменение социальных отношений, поскольку человек — не только объект социокультурного воздействия и регулирования, но также активный субъект формирования собственной личности, воспроизводства цивилизации и дальнейших её изменений.

В этом плане особое значение в современный исторический период имеет проблема сексуальной аномии, которая утратила свое традиционное значение и стала рассматриваться в иных аксиологическом и социальном аспектах, часто прямо противоположных по своему значению. Сексуальная аномия, которую Дюркгейм исследовал как нарушение пуританской морали в сфере брачно-семейных отношений, была переосмыслена в обществе модерна и легализована в качестве адекватного ему эгалитарного статуса сексуальности.

Совершенно новую тональность этому процессу придала сексуальная революция — побочное, хотя и необходимое следствие обретения полами равноправия в общественной и домашней сферах. В плане философской антропологии она представляет собой кардинальные и многоплановые изменения человеческой природы. В первую очередь они коснулись освобождения сексуальности и эротически-романтических отношений от «репрессивных» ограничений и подавления со стороны «патриархальных» установок (или «сексизма», по феминистской терминологии) моногамного брака с доминирующими в нем частнособственническими и сословными интересами. Это, в свою очередь, предоставило широкие возможности для дальнейшей культурной сублимации, духовно-нравственного обогащения сексуальности по линии ее

развития в плане любовного чувства и прочных межличностных отношений мужчины и женщины в их жизненном союзе.

Однако вместе с тем был дан старт прямо противоположной тенденции — к утрате сексуальностью духовной ауры, личностной и социокультурной значимости. Это инициировало разрушительные воздействия на человеческую идентичность: наряду с ростом импотенции и утраты интереса к половой жизни в молодежной среде, охваченной этим новым поветрием, на что с тревогой указывает Тирьякян³⁴, все чаще наблюдается лабильность сексуальной идентичности, её «размывание», вариативность гендерных форм поведения и самоидентификации человека, появление «игровых» модификаций сексуальной идентичности в форме так называемого «гендерного дисплея».

Список литературы:

1. Белкин А.И. Третий пол. Судьбы пасынков Природы. М.: Олимп, 2000. 432 с.
2. Березина Т.Н. Социальность и сексуальность в природе человека (на основе анализа фантастической литературы) // NB: Психология и психотехника. 2013. № 10. С. 130-164. (DOI: 10.7256/2306-0425.2013.10.11063. URL: http://e-notabene.ru/psp/article_11063.htm).
3. Бутовская М.Л. Антропология пола. Фрязино: Век 2, 2013. 256 с.
4. Григорьева Д.К. Философско-антропологические аспекты образа женщины в гендерных исследованиях: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2004. 142 с.
5. Гуревич П.С. Последствия сексуальной революции // Психология и психотехника. 2012. № 12. С. 4–7.
6. Гуревич П.С. Философская антропология: учебное пособие. М.: Омега-Л, 2010. 607 с.
7. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991. 576 с.
8. Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд. М.: Мысль, 1994. 399 с.
9. Емельянов А.В. «Человек гедонистический» в аспекте конструирования сущностных образов человека // Философия и культура. 2014. № 5. С. 725-730. (DOI: 10.7256/1999-2793.2014.5.9818).
10. Кон И. С. Пол и гендер: Заметки о терминах // Андрология и генитальная хирургия. 2004. № 1–2. С. 31–34.
11. Мертон Р.К. Социальная структура и аномия // Социс. 1992. № 2–4.
12. Осипова Е.В. Социология Эмиля Дюркгейма. М.: РИЦ ИСПИ РАН. 2000. 303 с.
13. Римашевская Н.М., Маркова Н.Е. «Американская сексуальная революция» П.А. Сорокина в России // Сорокин П.А. Американская сексуальная революция. М.: Проспект, 2006. С. 5–9.
14. Рощин С.Ю. Гендерное равенство и расширение прав и возможностей женщин в России в контексте целей развития тысячелетия. Доклад гендерной группы ООН в России. М., 2005. 73 с.
15. Сорокин П.А. Американская сексуальная революция. М.: Проспект, 2006. 151 с.
16. Суковатая В.А. «Другой» у Гомера: семантика гендера и сексуальности // Культура и искусство. 2012. № 6. С. 52–60.
17. Яковец Ю.В. Волны сексуальной революции и демографическое будущее России // Сорокин П.А. Американская сексуальная революция. М., 2006. С. 10–16.
18. Edward A. Tiryakian. Sexual Anomie, Social Structure, Societal Change // Social Forces, vol. 59 no. 4 (1981), pp. 1025–1053.

³⁴ Там же. Р. 1045.

³⁵ Гуревич П.С. Философская антропология. М.: Омега-Л, 2010. С. 437.

19. Edward A. Tiryakian From Underground to Convention: Sexual Anomie as an Antecedent to the French Revolution. In: Current Perspectives in Social Theory. Ed. by McNall S.G. 5. 1984.

References (transliteration):

1. Belkin A.I. Tretii pol. Sud'by pasynkov Prirody. M.: Olimp, 2000. 432 s.
2. Berezina T.N. Sotsial'nost' i seksual'nost' v prirode cheloveka (na osnove analiza fantasticheskoi literatury) // NB: Psikhologiya i psikhotehnika. 2013. № 10. S. 130–164. (DOI: 10.7256/2306-0425.2013.10.11063. URL: http://e-notabene.ru/psp/article_11063.htm).
3. Butovskaya M.L. Antropologiya pola. Fryazino: Vek 2, 2013. 256 s.
4. Grigor'eva D.K. Filosofsko-antropologicheskie aspekty obraza zhenshchiny v gendernykh issledovaniyakh: avtoref. dis. ... kand.filos. nauk. M., 2004. 142 s.
5. Gurevich P.S. Posledstviya seksual'noi revolyutsii. // Psikhologiya i psikhotehnika. 2012. № 12. S. 4–7.
6. Gurevich P.S. Filosofskaya antropologiya: uchebnoe posobie. M.: Omega-L, 2010. 607 s.
7. Dyurkgeim E. O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sotsiologii. M.: Nauka, 1991. 576 s.
8. Dyurkgeim E. Samoubiistvo. Sotsiologicheskii etyud. M.: Mysl', 1994. 399 s.
9. Emel'yanov A.V. «Chelovek gedonisticheskii» v aspekte konstruirovaniya sushchnostnykh obrazov cheloveka // Filosofiya i kul'tura. 2014. № 5. S. 725–730. (DOI: 10.7256/1999-2793.2014.5.9818).
10. Kon I.S. Pol i gender: Zametki o terminakh // Andrologiya i genital'naya khirurgiya. 2004. № 1–2. S. 31–34.
11. Merton R.K. Sotsial'naya struktura i anomiya // Sotsis. 1992. № 2–4.
12. Osipova E.V. Sotsiologiya Emilya Dyurkgeima. M.: RITs ISPI RAN. 2000. 303 s.
13. Rimashevskaya N.M., Markova N.E. «Amerikanskaya seksual'naya revolyutsiya» P.A. Sorokina v Rossii // Sorokin P.A. Amerikanskaya seksual'naya revolyutsiya. M.: Prospekt, 2006. S. 5–9.
14. Roshchin S.Yu. Gendernoe ravenstvo i rasshirenie prav i vozmozhnostei zhenshchin v Rossii v kontekste tselei razvitiya tysyacheletiya : Doklad gendernoi gruppy OON v Rossii. M., 2005. 73 s.
15. Sorokin P.A. Amerikanskaya seksual'naya revolyutsiya. M.: Prospekt, 2006. 151 s.
16. Sukovataya V.A. «Drugoi» u Gomera: semantika gendera i seksual'nosti // Kul'tura i iskusstvo. 2012. № 6. S. 52–60.
17. Yakovets Yu.V. Volny seksual'noi revolyutsii i demograficheskoe budushchee Rossii // Sorokin P.A. Amerikanskaya seksual'naya revolyutsiya. M., 2006. S. 10–16.
18. Edward A. Tiryakian. Sexual Anomie, Social Structure, Societal Change // Social Forces, vol. 59 no. 4 (1981), pp. 1025–1053.
19. Edward A. Tiryakian From Underground to Convention: Sexual Anomie as an Antecedent to the French Revolution. In: Current Perspectives in Social Theory. Ed. by McNall S.G. 5. 1984.